

надъ самимъ собой, какъ же жизнь? Посмотрите, какъ любить она противорѣче, жертвой котораго бываетъ безпрестанно бѣдная человѣческая личность! Вотъ, напримѣръ, два актера: одинъ—«безумецъ», «гуляка праздный», неподозрѣвающий ни святости искусства, ни его высокаго назначенія, невѣжда безграмотный, лѣнивонецъ, добродушный хвастунъ,—и между тѣмъ въ грязной натурѣ скрыты богатые самородки великихъ чувствованій, могучихъ страстей; эта безумная голова озаряется горящимъ ореоломъ вдохновенія,—и рыдаетъ, и колеблется многочисленная толпа при звукахъ голоса этого самовластного чародѣя, и каждый уноситъ съ собой изъ театра тѣ высокія откровенія, тѣ таинственные глаголы жизни, для принятія которыхъ нужно посвященіе... За чтѣ же этотъ даръ, это могущество слова, взора и жеста, эта чудодѣйственная сила? За чтѣ, за какой подвигъ такая высокая награда! Иронія, иронія, иронія... Вотъ другой актеръ: страсть къ искусству—его жизнь; изученіе искусства—занятіе, забота, трудъ всей его жизни; стремленіе къ славѣ—болѣзнь его души... И вотъ появляется онъ передъ толпой, разбѣленный и разрумяненный, съ важнымъ видомъ, и ловко, смѣло, съ граціей повертываетъ картонной булавой гладиатора или картоннымъ мечомъ Александра Македонскаго, величаво говоритъ съ другомъ своимъ Алхимересомъ объ измѣнѣ Амалафриды,—театръ дрожитъ отъ рукоплесканій, вызовамъ нѣтъ конца... Но отчего же въ этомъ восторгѣ толпы слышенъ одинъ шумъ и крикъ? отчего она съ такимъ же точно восторгомъ черезъ минуту послѣ того принимаетъ пошлый водевилъ, и ни одинъ человѣкъ изъ нея не выходитъ изъ театра съ поникшей головой, съ грустнымъ раздумьемъ на челѣ?.. Художникъ упоенъ, восхищенъ своимъ торжествомъ; онъ такъ низко, такъ почтительно кланяется вызывающей толпѣ... Но отчего же такъ раздражаетъ его всякое двусмысленное сужденіе «немногихъ»,—его, который такъ доволенъ «всѣми»? Отчего же такъ уязвляетъ его легкая улыбка «немногихъ»? Чтѣ онъ видитъ въ ней?—Иронію видитъ въ ней онъ, жертва ироніи, самъ воплощенная иронія дѣйствительности... Послѣ этого какъ понятны эти слова пушкинскаго Сальери:

Гдѣ жъ правота, когда священный даръ,
Когда безсмертный гений—не въ награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудовъ, усердія, моленій посланъ,
А озаряетъ голову безумца,
Гуляки празднаго?..

Это значитъ совсѣмъ не то, чтобъ жизнь состояла изъ однихъ противорѣчій, и чтобъ гений всегда былъ «праздный гуляка», а

самоотверженіе труда и изученія всегда было признакомъ ограниченности и бездарности: нѣтъ, мы хотимъ сказать только, что дѣйствительность часто любитъ отступать отъ своихъ разумныхъ законовъ, часто любитъ пошутить сама надъ собой. Въ этомъ-то и состоитъ ея иронія. Вездѣ и повсюду видимъ мы эту иронию; вездѣ и повсюду видимъ мы жертвы этой ироніи, вездѣ и повсюду—и въ природѣ, и въ исторіи, и въ судьбѣ индивидуумовъ. Вотъ дѣвушка, одаренная столь дивной красотой, что, кажется, весь міръ долженъ преклониться передъ нею... И что же?—иногда (и чаще всего) оказывается, что душа ея пуста, сердце холодно, умъ ограниченъ, и велико только ея мелочное самолюбіе... Вотъ дѣвушка, вся созданная изъ великодушнаго самопожертвованія, изъ горящей любви и высокаго стремленія, созданная для того, чтобъ осчастливить жизнь достойнаго человѣка, быть наградой за великій подвигъ жизни,—но, увы! никто не добивается этого счастья, этой награды: она дурна собой, ей не дано волшебнаго обаянія женственности, съ ней говорятъ, какъ съ умнымъ мужчиной... Заглянемъ ли въ исторію—и тамъ иронія царитъ надъ людьми. Никогда, говорятъ знатоки военнаго дѣла, никогда Наполеонъ не развертывалъ въ такой ширинѣ и глубинѣ своего военнаго гения, какъ передъ своимъ паденіемъ,—и все-таки палъ, низринутый какой-то невидимой рукой, какой-то странной ироніей дѣйствительности... Сколько людей съ торжествомъ и славой выступило на историческое поприще; но одна минута,—и лавровый вѣнокъ смѣнялся шутовскимъ колпакомъ,—и эти люди оказывались столь же малыми для исторической арены, сколько были они велики для обыкновеннаго круга жизни. Стало бытъ, имъ не было мѣста ни тамъ, ни здѣсь,—и тамъ, и здѣсь имъ суждено было погибнуть жертвой ироніи... Не мало представляетъ такихъ жертвъ ироніи область искусства и литературы. Этотъ мрачный законъ ироніи особенно часто тяготеетъ надъ такъ-называемыми «самоучками» и вообще надъ людьми, которые вдругъ измѣняютъ назначенную имъ судьбой дорогу жизни, и измѣняютъ вслѣдствіе сознанія тайнаго внутренняго призванія къ искусству. Дѣйствительно, тайный внутренній голосъ зоветъ и манитъ ихъ къ блестящей мечтѣ, раздаваясь въ глубинѣ души ихъ звуками Вадимова колокольчика: грудь ихъ полна тревогой, и даже во снѣ слышать они слова: «встань изъ грязи, въ которую бросила тебя судьба, мужайся и иди впередъ,—лавры побѣды, удивленіе толпы и безсмертіе въ вѣкахъ ожидаютъ тебя!» Ужасенъ этотъ голосъ, ибо нельзя узнать, чей онъ—ангела-хранителя, или чер-